

I.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ВОЕННОГО ОБОЗНАНІЯ РУССКИХЪ ГРАНИЦЪ ВЪ АЗИИ.

СЮДЬМОЙ УЧАСТОКЪ.

ЧЖУНГАРСКІЙ.

Положеніе границы и приграничныхъ земель.

Предѣлами Чжунгарскаго участка нашей границы можно считать на югѣ гору Хань-Тенгри, подъ $42^{\circ} 21'$ ш., а на сѣверѣ гору Куйтунь, подъ $48^{\circ} 50'$ ш., изъ которыхъ первая принадлежитъ къ системѣ Тянь-шаня и есть высочайшая изъ извѣстныхъ его вершинъ, а вторая составляетъ горный узелъ Большого Алтая съ Малымъ и съ хребтомъ Сайлюгемъ. Другими словами, Чжунгарскій участокъ границы начинается у верховій Тенеса и кончается у истока Бухтармы. Кратчайшее разстояніе между этими двумя точками не превосходитъ 850 верстъ; но государственный рубежъ тянется не менѣе какъ на 1,700 верстъ, если считать дѣйствительные наши предѣлы въ 1872 году, и на 1,478 верстъ, если принять въ соображеніе чугучакскій договоръ 1864 года, никогда, впрочемъ, не осуществленный сполна въ дѣйствительности (*).

Топографія этого рубежа представляетъ ту особенность, что онъ

(*) Въ силу чугучакскаго договора поставлены пограничные столбы только отъ Куйтуна до Хабаръ-асу, въ Тарбагатав; на югъ же отъ Хабаръ-асу дѣйствительнаго разграниченія никогда не было.

очень извѣстны. Они совпадаютъ съ рубежами естественными, каковы горы и равнины, и вѣнчаются ихъ подъ прямыми углами, вслѣдствіе чего изъ Чжунгаріи образуется къ намъ нѣсколько воротъ или открытых пространствъ, ограниченныхъ съ юга и сѣвера трудно-проходимую мѣстностью. Ворота же эти заслуживаютъ вниманія потому, что на нихъ издавна происходятъ частыя столкновенія кочевниковъ, подвластныхъ нынѣ двумъ сосѣднимъ имперіямъ, но все еще не утратившихъ ни давнишней племенной вражды, ни склонности къ хищничеству. Идя съ сѣвера, мы находимъ, что ворота имѣютъ ширины: отъ предгорій Большого Алтая до озера Зайсана и Чернаго Иртыша 50 верстъ, отъ Зайсана и Чернаго Иртыша до Тарбагатая больше 60-ти и наконецъ южнѣе Тарбагатая, до Алатау и горъ Барлукскихъ, 180 верстъ. Въ общемъ смыслѣ можно сказать, что восточнѣе воротъ кочуютъ калмыки, а западнѣе киргизы; но въ частности отъ этого правила есть многочисленныя отступленія, и притомъ нигдѣ не встрѣчается перехода калмыковъ въ наши предѣлы, а, напротивъ, весьма нерѣдко бываетъ распространеніе киргизовъ въ предѣлы китайскіе.

По общему свойству степей, наиболѣе плодородныя земли по чжунгарской окраинѣ лежатъ у подошвы горъ. Соответственно тому здѣсь тѣснится и главная масса приграничнаго населенія, которая въ лѣтнюю пору уходитъ на самыя горы. Среднія же части долинъ, напротивъ, суть настоящія пустыни, частью песчанныя, какъ по берегамъ Зайсана, Иртыша и Или, частью болотистыя, какъ ближайшія прибрежья того же Зайсана, Иртыша, озеро Ала-гуля, Сасынъ-куля и пр. Для осѣдлаго населенія нѣтъ другихъ мѣстъ какъ у самой подошвы горъ или даже въ междугорныхъ долинахъ, если онѣ довольно пространны; ибо безъ орошенія земляничего не родитъ, а орошеніе, даже атмосферное, т. е. дождевою водою, бываетъ довольно обильно только близъ горъ. Въ предѣлахъ, которые можно дать чжунгарскому пограничному пространству и которые сейчасъ будутъ указаны, едва-ли есть больше 300 квадратныхъ или годныхъ для осѣдлой культуры; вся же прочая земля, до 13,000 кв. миль, годна для однихъ кочевниковъ или негодна нигуда.

Предѣлами, о которыхъ здѣсь говорится, можно принять: на западѣ озеро Балхашъ и линію отъ устья рѣки Амура къ Семипалатинску; на сѣверѣ Иртышъ, Нарынъ и Бухтарму; на востокѣ линію отъ истоковъ Бухтармы къ истокамъ Кунгеса; на югѣ Небесныя и Алатаускія горы, отъ истоковъ Кунгеса чрезъ Санъ-шъ до Ханъ-тау. Такимъ образомъ въ эти предѣлы войдутъ:

Съ нашей стороны: часть Семипалатинской области, лежащая къ востоку отъ дороги изъ Семипалатинска въ Сергіополь, и часть Семирѣченской, обнимающая уѣзды Сергіопольскій, Копальскій и Върненскій;

Съ китайской: округи Тарбагатайскій сполна, Кобдоскій и Куръ-кара-усуйскій отчасти, и наконецъ сполна же бывший Илійскій округъ, нынѣ Бульджинское владѣніе, находящееся въ нашихъ рукахъ. Все, что лежитъ западнѣе или восточнѣе этихъ предѣловъ, не имѣетъ уже никакого прямого отношенія къ пограничнымъ дѣламъ и можетъ лишь отчасти интересоватъ насъ здѣсь съ военно-политической точки зрѣнія.

Все обширное пространство, такимъ образомъ очерченное, съ нашей стороны имѣетъ съемки, болѣе или менѣе обстоятельныя и опертыя на 50 астрономическихъ точекъ, опредѣленныхъ Федоровымъ, Голубевымъ и Струве. Съ китайской же стороны есть только посредственныя карты, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ немало подробностей, но не всегда вѣрно показываютъ расположеніе предметовъ на мѣстности. Старинныя астрономическія опредѣленія Эспиньи, Галлерштейна и Дарохи также не всегда оказываются вѣрными, по крайней мѣрѣ по долготѣ. Въ общемъ итогѣ топографію страны можно считать удовлетворительно извѣстною, какъ видно изъ изложеннаго ниже.

Топографія.

Четыре большія горныя системы возвышаются надъ степями, которыя составляютъ главную часть территоріи чжунгарскаго пограничнаго пространства: Алтайская, Тарбагатайская, Чжунгаро-алатауская и Тянь-шаньская, съ Заилійскимъ-Алатау. Изъ нихъ

1) *Большой Алтайскій хребетъ* образуетъ государственный рубежъ Россіи съ Китаемъ отъ горы Куйтуна на западъ до истоковъ рѣки Курчума, откуда онъ продолжается въ томъ же направленіи къ Иртышу, а граница поворачиваетъ на югозападъ, къ Зайсану, вдоль хребта *Курчумскаго*. Сначала, до прохода Буканасъ, Большой Алтай не только покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, но и непроходимъ; потомъ снѣжныя вершины лежатъ спорадически, но проходы между ними, Сарнакай, Бурхатъ, Байберды и Верхне-Курчумскій, трудны и годятся только для одинокихъ всадниковъ. Ниже снѣговъ, Алтай, по сѣверному склону обращенному къ Бухтармѣ, одѣтъ густыми строевыми лѣсами, сосновыми и лиственничными; что же касается до южной его стороны, то на ней лѣса встрѣчаются лишь въ мѣстахъ влаж-

ныхъ, неподверженныхъ иссушающему влиянію солнца и степной атмосферы. Склоны, ближайшіе къ долине Чернаго Иртыша, суть совершенная степь.

На хребтѣ *Курчумскомъ* лѣса также держатся лишь по сѣверо-западному склону, обращенному къ Сибири, и преимущественно въ верховьяхъ рѣки Курчума. Южная половина, отъ Терсь-айрыка, безлѣсна, за исключеніемъ небольшого числа тополевыхъ и ивовыхъ рощъ по рѣчкамъ Калгуты, Узунъ-булаку и др. Переваловъ черезъ хребетъ есть нѣсколько, именно: Коломбай, Саръ-тау, Кызылъ-келенъ и др., изъ которыхъ по Коломбаю обыкновенно переходятъ на альпійское озеро Марко-куль, дающее начало Колджиру, притоку Чернаго Иртыша.

Большой Алтай, подъ названіемъ хребта *Нарынскаго*, продолжался на западъ отъ верховья Курчума къ Иртышу, значительно понижается, такъ что черезъ него можетъ быть безъ большого труда проложена колесная дорога изъ долины Нарына въ долину Курчума, особенно по проходу Арчалы, болѣе удобному, чѣмъ другіе: Теректы, Буланды, Тосъ-юй и Чурчуть. Южный склонъ хребта отложе сѣвернаго, но и онъ имѣетъ обрывы, особенно у самаго берега рѣки Курчума, сопровождаемаго имъ почти до устья.

На востокъ, у горы Куйтунъ, Большой Алтай пересѣкается съ Маламъ или *Энтагъ-Алтаемъ*, который идетъ къ юго-востоку, отдѣляя бассейнъ Чернаго Иртыша отъ бассейна озера Икэ-Арала. Онъ столь высокъ, что въ частяхъ, ближайшихъ къ Куйтуну, переваловъ черезъ него неизвѣстно. И только въ верховьяхъ Кирана, праваго притока Чернаго Иртыша, карты Клапрота (*Asie Centrale*) и Западной Сибири показываютъ горный проходъ (по Клапроту даже два: Сундурукъ-дабанъ и Хайрату-дабанъ); но повидимому этотъ проходъ неудобенъ, потому что въ 1870 году китайскіе эмигранты, возвращавшіеся изъ-подъ Чугучака въ Кобдо, предпочли путь гораздо болѣе южный, по рѣкѣ Улюнгуру, огибающей Энтагъ-Алтай съ юга. Недавно путешествовавшій въ Кобдинскомъ округѣ г. Матусовскій видѣлъ вершины Малаго Алтая покрытыя снѣгомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

2) *Тарбагатайская* система отдѣляется отъ Алтайской широкою долиною Чернаго Иртыша и Зайсана. И хотя карта Захарова показываетъ, что обѣ системы сходятся на востокъ отъ озера Урунгу, но подробности этого соединенія неизвѣстны. Въ тѣхъ предѣлахъ, которые мы знаемъ, Тарбагатай представляетъ одинъ главный хребетъ, идущій почти прямо съ запада на востокъ, и нѣсколько при-

мыкающихся къ нему отдѣльныхъ кражей или массивовъ. Если взять за начало цѣпи окрестности Сергіополя, то западная ея часть, до перевала Талды-асу, вся заключающаяся въ русскихъ предѣлахъ, не представитъ ни одной снѣжной вершины, ни одного пика выше 9,200 футовъ надъ моремъ. Средняя отъ Талды-асу до Чаганъ-обо, также безснѣжна и едва-ли гдѣ переходитъ за 9,000 футовъ. О восточной, далѣе Уластовъ, мы ничего не знаемъ и можемъ только догадываться, что она очень невысока, потому что ни одинъ притокъ съ нея не достигаетъ до Чернаго Иртыша. Матусовскій свидѣтельствуетъ даже, что за меридіаномъ Чаганъ-обо Тарбагатай вовсе оканчивается, такъ какъ горы, лежація далѣе на востокъ, отдѣляются отъ него узкою долиною и носятъ уже другія (?) названія. Но высота этой долины надъ моремъ—4,683 фута—вынуждаетъ принимать такой выводъ съ нѣкоторою осторожностью.

Перевалы черезъ Тарбагатай вблизи границы суть слѣдующіе: 1) Каракольскій, по ущелью рѣки Караколь, выходящей съ сѣверной стороны хребта и текущей на югъ; здѣсь проходитъ почтовая дорога изъ Сергіополя въ Урджаръ. 2) Кутукъ-даба, Наратъ-даба и Уланъ-даба, между Урджаромъ и Чугучакомъ, мало извѣстны. 3) Сай-асу, Талды-асу и Хабаръ асу — всѣ три на сѣверѣ отъ Чугучака, въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другого; по нимъ пролегаютъ пути изъ степной приайсанской равнины въ долину Эмиля. 4) Значительно далѣе къ востоку, послѣ замѣтнаго повышенія Тарбагатай и образованія имъ отрога Терсь-айрыкъ, лежатъ проходы Букай-асу и Бургусутай, а потомъ Бай-мурза, Керегенъ-тась и Чаганъ-обо. Противъ двухъ первыхъ, на сѣверѣ, къ хребту прилежитъ кочковатое, болотистое плато, называемое *Чиликты*, котораго положеніе надъ уровнемъ моря опредѣляется тѣмъ, что еще въ маѣ на немъ лежитъ снѣгъ (3,500 ф.?). За Чиликтами, далѣе къ сѣверу, поднимается отдѣльный край, *Монракъ*, который питаетъ нѣсколько бѣдныхъ водою ручьевъ, притоковъ Зайсана, во время весенняго таянія снѣговъ, и запираетъ съ сѣвера чиликтинскую котловину, оставляя лишь узкій проходъ, Иссыкъ, вдоль рѣчки Терсь-айрыкъ. По Бургусутайскому перевалу проходитъ колесная дорога съ Чернаго Иртыша на Эмиль. Противъ переваловъ Керегенъ-тась и Чаганъ-обо, на сѣверѣ отъ Тарбагатай, стоятъ новые массивы, Сауру и Сайканъ, высшія точки которыхъ покрыты снѣгами, почему носятъ названіе *Мусъ-тау*, (Ледяныхъ горъ, и которые на сѣверныхъ склонахъ, мѣстами, напримѣръ въ ущельѣ Темиръ-су, имѣютъ небольшие лѣса. Что слѣдуетъ далѣе къ востоку, намъ съ точностію неизвѣстно; но, судя по нѣко-

горнымъ распросамъ и по тому, что притокъ въ Черный Иртышъ съ юга не показываетъ ни одна карта, нужно думать, что хребетъ здѣсь почти пропадаетъ, хотя суша отдѣляетъ вполнѣ озеро Урунгу отъ Чернаго Иртыша, въ противность догадкамъ нѣкоторыхъ географовъ о непосредственной связи между этими водоемами. На юго-востогъ отъ Чаганъ-обо мы знаемъ о существованіи довольно обширнаго озера, *Кобука*, съ притокомъ того же имени, что показываетъ, что и горы *Уркашарскія*, которыя связываютъ Тарбагатай меридіональною цѣнью съ лежащимъ далѣе на югъ Барлукомъ, довольно высоки, чтобы питать никогда непересыхающіе потоки.

Въ Тарбагатайскому хребту съ сѣвера, на меридіанѣ Урджара, примыкаетъ водораздѣлъ между рѣкой Аягузомъ и притоками Зайсана, Бугазомъ и Базаромъ, тотъ водораздѣлъ, среди котораго высится отдѣльный пикъ Яманъ-Кара-танъ, большую часть года покрытый снѣгомъ. Далѣе къ сѣверу, водораздѣлъ переходитъ въ *Калбинскій* хребетъ, котораго песчаные отклонны на юго-востогъ пропадають не доходя верстъ 35—50 до Зайсана, по котораго сѣверный скатъ круто упирается въ Иртышъ, образуя, вмѣстѣ съ отрогами Алтая, великолѣнное ущелье между Бухтармой и Усть-Каменогорскомъ. Калбинскія горы—второстепенныя и проходимы повсюду; растительность, встрѣчающаяся на полуденныхъ склонахъ ихъ, бѣдна; по за то нѣдра ихъ рудоносны, а сѣверо-восточная часть одѣта большимъ каздинскимъ боромъ.

Хребты: Тарбагатайскій съ его сѣверными отрогами, Калбинскій, Нарынскій и Курчумскій, составляютъ какъ бы ограду обширнаго плоскаго водоема Зайсана. Особенно къ юго-западу отъ этого озера, по рѣкамъ Базару и Карабугѣ, степи обширны, такъ что если идти отъ устья Букони въ Иртышъ по западной сторонѣ Зайсана и потомъ вдоль Базара, то, на протяженіи 150 верстъ, встрѣтятся лишь двѣ—и то перѣдко высыхающія—рѣчки: Кокбекты и Бугасъ, да нѣсколько солонцовъ. Самая низкая часть этой степной равнины занята озеромъ Зайсанъ, имѣющимъ 86 верстъ въ длину и не болѣе 22-хъ въ ширину. Берега его совсѣмъ плоски, мѣстами песчаны, и по большей части поросли густымъ камышомъ; глубина незначительна, обыкновенно $3\frac{1}{2}$ сажени, съ длинными отмелями вдоль береговъ. Высота надъ моремъ около 1,200 футовъ.

3) Система *Чжунгарскаго Алатау* ограничиваетъ съ юга ту обширную низменность, которая лежитъ на полдень отъ Тарбагатай и среди которой находятся Ала-куль, Сасыкъ-куль и самый Балхашъ, эти остатки прежняго моря, связанные донныѣ широкою полосой

Туркестана столь труденъ, что людей и скотъ въ одномъ мѣстѣ нужно спускать на веревкахъ. Такимъ образомъ, показанія китайской государственной географіи относительно Мурсата, переведенныя Іакинномъ, подтвердились во многомъ, и не остается больше сомнѣнія, что проходъ могъ служить только для курьеровъ и для небольшихъ конныхъ каравановъ, но не для обширныхъ и правильныхъ торговыхъ сообщеній Кульджи и Аксу. Перечевки номадовъ съ южнаго склона Тянь-шаня на сѣверный совершались по болѣе восточнымъ переваламъ, особенно по Дагыту и по Парату.

Произведенныя доселѣ изысканія удостовѣряють, что система небесныхъ горъ и Заилійскаго Алатау, подобно всѣмъ горамъ степной половины Азіи, имѣетъ то свойство, что *на южныхъ покатостяхъ горныхъ краешей нидь нтъ лѣса*, а древесная растительность попадаетъ только на покатостяхъ, обращенныхъ къ сѣверу, да и то лишь по ущельямъ рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ-подъ снѣга. Гдѣ же на вершинахъ горъ нѣтъ послѣдняго, тамъ нѣтъ и лѣсовъ. Въ общемъ выводѣ, послѣдніе прекращаются совершенно на высотахъ около 9,200 футовъ къ верху и 2,000 футовъ надъ моремъ къ низу, за исключеніемъ, впрочемъ, небольшого числа фруктовыхъ деревьевъ и ивняка, которые иногда спускаются и въ подгорныя долины, держась вдоль рѣкъ.

Всѣ сѣверныя отроги Тянь-шаня въ Илійскомъ округѣ рудоносны, и китайцы здѣсь добывали желѣзо, мѣдь, серебро и свинець. Впрочемъ, важнѣйшее минеральное богатство Бульджинскаго округа, каменный уголь, встрѣчается не здѣсь, а сѣвернѣе Или, на южныхъ покатостяхъ Ирель-Хабиргана, недалеко отъ Бульджи.

Обозрѣвъ гористыя мѣстности приграничныхъ пространствъ на Чжунгарскомъ участіи, мы можемъ обратиться къ *равнинамъ*, которыя всѣ вообще образуютъ настоящія степи, т. е. почти лишенное растительности дно обсохнувшаго моря, то глинистое, то солонцоватое, то песчаное и, болѣею частью, совершенно горизонтальное. На сѣверѣ отъ Тарбагатай обращаютъ вниманіе, по своей обширности, степи прииртышская и призайсанская. Первая изъ нихъ имѣетъ грунтъ, болѣею частью, глинистый и суглинистый, иногда известковатый или солонцоватый, а колодцы съ прѣсною водою. Нѣсколько ручьевъ орошаютъ ее въ частяхъ ближайшихъ къ Иртышу, Тарбагатаю и хребту Калбинскому, гдѣ она становится волнистою. Посредніи проходитъ, почти прямо по меридіану, большая почтовая дорога изъ Семипалатинска въ Сергіополь, вдоль которой хотя нѣтъ большихъ травъ, но нѣтъ и недостатка въ подножномъ

кормѣ; у горъ Аркатскихъ даже завезено киргизами хлѣбопашество, хотя, конечно, въ маломъ размѣрѣ. О зайсанской равнинѣ сказано выше. Къ ней примыкаетъ съ востока долина Чернаго Иртыша, шириною отъ 50 до 80 верстъ, большею частью степная, но иногда представляющая, вдоль рѣчекъ, мѣста годныя для пашень, напримѣръ, на Темиръ-су. Близъ самой рѣки Черный Иртышъ и по низовьямъ его притоковъ съ сѣвера, тянутся полосы камышей и тростниковъ, которые, ближе къ Зайсану, имѣютъ отъ 15 до 20 верстъ шириною и образуютъ превосходнѣйшія зимовки для киргизовъ. Южнѣ Чернаго Иртыша лежатъ и песчаныя степи, шириною до 20 верстъ; но верхняя часть долины этой рѣки намъ мало извѣстна, и, быть можетъ, на ней встрѣчается больше годныхъ для земледѣлія мѣстъ, чѣмъ по сосѣдству Зайсана.

На югѣ отъ Тарбагатай равнина начинаетъ приобрѣтаетъ характеръ очень печальныхъ степей. Не говоря уже про обширные пески по низовьямъ и среднимъ частямъ Или, Каратала, Лепсы, т. е. про пустыни, сосѣднія Балхашу, можно сказать, что и равнина между Тарбагатаемъ и Чжунгарскимъ Алатау есть страна годная только для рѣдкаго кочевого населенія, и то лишь въ извѣстныхъ времена года; исключеніе составляютъ подгорныя полосы, верстъ пять или шесть шириною, у выхода изъ горъ рѣчекъ, гдѣ система искусственнаго орошенія дѣлаетъ почву довольно плодородною. Обширныя тростниковыя болота и кочковатые пески наполняютъ ложбину Алакуля, Уалы и Сасыкъ-куля, до самаго Балхаша. Здѣсь даже по почтовой дорогѣ, проведенной въ возможно-выгодномъ направленіи, встрѣчается около ста верстъ пути по странѣ безводной и почти лишенной растительности. И только на югѣ отъ пикета Аксуйскаго, къ сторонѣ горъ, начинаютъ попадаться пашни, которыхъ полоса тянется и дальше къ востоку, по Саркану, Баскану, Лепсѣ. На берегахъ послѣдней, нѣсколько выше выхода ея изъ горъ, лежитъ котловина Чубарь-Агачъ, самая плодородная мѣстность въ странѣ, занятая станицей Лепинской. Затѣмъ у подножія горъ, но не посреди степи, а на такъ называемомъ Кональскомъ или Арасанскомъ плоскогоріи, на которое ведетъ со степи Гасфордовъ подъемъ и которое составляетъ подгорную терасу въ 3,200 футовъ надъ моремъ, можно также встрѣтить довольно влажную и, слѣдовательно, годную для культуры почву. Но всѣ эти плодородныя пространства въ совокупности не составляютъ и 50 кв. миль, т. е. $\frac{1}{10}$ площади между Тарбагатаемъ и Алатау. На востокѣ отъ границы, Алакульская равнина продолжается по рѣкѣ Эмилю, гдѣ имѣетъ почву то каменистую, то твердо-глинистую и быстро подни-

мающуюся къ востоку, т. е. къ сторонѣ Уршааркскихъ горъ. На югѣ же отъ рѣки Каратала и послѣднихъ западныхъ развѣтвленій Чжунгарскаго Алатау путешественникъ находитъ большую песчаную низменность, которая продолжается во всей своей безотрадности до самаго Балхаша и, вдоль рѣки Или, почти до самой Кульджи. Тутъ, несмотря на равнинный характеръ мѣстности, между пикетомъ Сарыбулакъ и укрѣпленіемъ Илискимъ, не было даже возможности проложить дорогу по прямой линіи, потому что страна безводна, а почва песчана, и направленіе пути пришлось отнести далеко на востокъ, къ лежащимъ въ горныхъ долинахъ пикетамъ Царицынскому, Кугалинскому и Алтынъ-Имельскому. Но и по этому послѣднему направленію не удалось совершенно избѣгнуть песковъ, такъ какъ ближайшія къ Или мѣстности представляютъ сплошную песчаную полосу, верстъ въ 25 шириною, гдѣ даже непосредственно у воды не растетъ ничего. Едва отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ берега на югъ, т. е. къ сторонѣ Запѣйскаго Алатау, начинаешь встрѣчать зелень, сначала тощую, потомъ нѣсколько болѣе зеленую и густую, но только въ разстояніи пяти или шести верстъ отъ подошвы горъ показывающую возможность земледѣлія. Поэтому въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, на 1,270 кв. миль общаго пространства есть не болѣе 35 кв. миль годныхъ для пашень, и, не будь обставленнаго горами Кульджинскаго округа, бассейнъ судоходной рѣки Или едва-ли способенъ былъ бы, въ цѣломъ объемѣ, вмѣщать болѣе 20,000 осѣдлаго населенія. Кульджинскій округъ имѣетъ земель годныхъ для культуры, вѣроятно, съ небольшимъ 70 миль, и притомъ еще плодородность ихъ поддерживается искусственнымъ орошеніемъ изъ большихъ арыковъ, которыхъ сооруженіе стоило огромныхъ трудовъ. Лучшая часть кульджинскаго оазиса лежитъ отъ меридіана Кульджи на востокъ, хотя и на западѣ встрѣчаются цвѣтуція полосы земли, какъ напримѣръ по Усеку, Тишкану, Хорго-су и другимъ рѣчкамъ, берущимъ начало въ Прень-Хабирганѣ. Здѣсь даже мы находимъ рѣдкій въ Средней Азій примѣръ лѣса среди равнины, разведеннаго впрочемъ искусственно.

Обозрѣвъ горы и равнины, слѣдуетъ сказать о естественныхъ, т. е. водяныхъ путяхъ сообщенія въ странѣ. Такихъ путей два, и оба въ направленіи отъ востока на западъ, т. е. поперекъ границы. Первый лежитъ въ сѣверной половинѣ края и, начавшись въ китайскихъ предѣлахъ, пересѣкаетъ границу и продолжается у насъ: это рѣка Иртышъ. Хотя Черный Иртышъ еще не изслѣдованъ вполнѣ, но мы знаемъ, что онъ судоходенъ для мелкосидящихъ (отъ 2—2½ футовъ) барокъ, по крайней мѣрѣ до Акъ-тюбе. Труденъ только вы-

ходить изъ него въ озеро, по мелководью, въ сухое время года. Собственно же Иртышъ, ниже озера Зайсана, можетъ носить еще большій суда, равно какъ и озеро. Но малая глубина у береговъ послѣдняго препятствуетъ плаванію по немъ судовъ съ острымъ килемъ, который, однако, очень нуженъ, потому что озеро бурно. Опыты пароходства на немъ сдѣланы, но правильныхъ сообщеній еще не установилось. Рѣка Иртышъ отъ Зайсана до Бухтарминска хотя мѣстами очень извилиста, однако вообще для плаванія удобна; что же касается до пространства отъ Бухтарминска до Усть-Каменогорска, гдѣ теченіе быстро и русло стѣснено горами, то здѣсь необходимо имѣть опытныхъ лоцмановъ. Притоки его сѣва, изъ степи, маловодны, а справа, изъ Алтайскихъ горъ, слишкомъ быстры, и потому не судоходны.

Другой водяной путь на описываемомъ пространствѣ представляетъ рѣка Или, судоходная, по крайней мѣрѣ отъ Кульджи, до самыхъ низовій. Но низовья уже поросли камышемъ, рѣка тутъ раздѣлилась на рукава, и потому маловодна. Это обстоятельство, а также бурность Балхаша и неимѣніе удобныхъ пристаней въ сѣверо-восточной части его дѣлаютъ почти невѣроятнымъ устройство на немъ когда-либо судоходства, которое, между тѣмъ, могло бы быть полезно для избѣжанія длинной сухопутной перевозки тяжестей отъ устья рѣки Аягуза въ Вѣрное (550 верстъ) по горамъ и степямъ. Къ сторонѣ Кульджи судоходство по Или могло бы установиться, и первый опытъ его дѣлается въ настоящее время предприимчивымъ сибирскимъ купцомъ Кузнецовымъ, который спустилъ на Или небольшой пароходъ. Всѣ же прочія рѣки Семирѣченской области, которыя хотя и обладаютъ длиною Шексны или Луги, но не имѣютъ и половины ихъ водъ, совершенно бесполезны въ смыслѣ судоплаванія, и ихъ можно употребить въ дѣло только для орошенія полей посредствомъ арыковъ. Конечно, въ такомъ случаѣ нужно ожидать скорого высыханія Балхаша, а съ нимъ и уменьшенія влажности въ степной атмосферѣ, слѣдовательно также въ горахъ, питающихъ источники рѣкъ.

Оканчивая обзоръ физическихъ свойствъ страны, можно еще сказать нѣсколько словъ о ея климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. Что климатъ тутъ совершенно континентальный, т. е. отличается суровой зимой, жаркимъ лѣтомъ и постоянною сухостью воздуха—это само собою понятно изъ положенія края въ самой срединѣ Азии. Зимой здѣсь бываютъ морозы въ -20° Р. даже подъ широтою въ 43° , т. е. въ Вѣрномъ, который лежитъ на одной параллели съ Марселью и лѣтомъ имѣетъ жары въ $+32^{\circ}$ Р. Въ Семи-

палатинскѣ ($50^{\circ}24'$ широты и 450 футовъ надъ моремъ) средняя температура января -14° , а июля $+17^{\circ},5$ Р. Сухость воздуха, особенно въ песчаныхъ степяхъ, спускается до 12,11 и даже до 9% , такъ что и туркменскія степи не превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Только въ горахъ, и то лишь по сѣвернымъ склонамъ, влажность атмосферы напоминаетъ европейскую. Слѣдующія цифры суть результаты немногочисленныхъ и недолговременныхъ метеорологическихъ наблюденій въ краѣ:

Широта.	Мѣсто.	Надъ мор.	Средн. темп. года	Январь.	Июль.	Дождя дн.
$50^{\circ}24'$	Семипалатинскъ	450 ф.	$+1^{\circ},8$ Р.	-14° Р.	$+17^{\circ},5$ Р.	46
45	8 Коцалъ	3,000 "	+ 6	- 3"	+17,3	"
43	16 Вѣрное	2,400 "	+ 7	"	"	"
43	56 Кульджа	1,700 "	+ 7,3	-7,6	+19,9	"

Господствующіе вѣтры не довольно изслѣдованы, но сѣверо-западные принадлежатъ къ числу самыхъ холодныхъ, а южные, въ сѣверныхъ частяхъ степи, если дуютъ зимою, то обыкновенно сопровождаются снѣжными вьюгами. Снѣгъ лежитъ въ Семипалатинскѣ болѣе пяти мѣсяцевъ, въ Вѣрномъ болѣе шести недѣль. Всѣ рѣки въ краѣ зимою замерзаютъ; Иртышъ на цѣлые пять мѣсяцевъ. За то многія изъ нихъ, вытекающія изъ снѣжныхъ горъ, имѣютъ два полноводія, особенно Бухтарма, Черный Иртышъ, Караталъ, отчасти даже Или. Снѣжная линія на горахъ, благодаря сухости и прозрачности атмосферы, въ лѣтнее время поднимается гораздо выше, чѣмъ въ Европѣ, именно: въ Зайлійскомъ Алатау она лежитъ на 10,000 футовъ, тогда какъ въ Ириксаяхъ, подъ тою же широтою 43° , всего на 8,400 футовъ. Благодаря большой сухости воздуха, страна очень выгодна для здоровья въ томъ смыслѣ, что здѣсь мало чахоточныхъ и больныхъ горломякъ; но за то лѣтомъ часто не бываетъ дождей по нѣскольку недѣль, и тогда томительная жара повергаетъ людей въ изнеможеніе, трава въ степяхъ выгораетъ и, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе, нужно бываетъ прибѣгать къ искусственному орошенію полей. Это, впрочемъ, трудъ благодарный, потому что не только въ Вѣрномъ, но даже въ Урджарѣ яровая пшеница даетъ самъ 15—20 и болѣе. А въ кульджинскомъ оазисѣ урожай еще лучше; теплота позволяетъ разводить тамъ мѣстами хлопчатникъ и рисъ— послѣдній, разумѣется, на почвѣ исключительно влажной.

Виноградъ и абрикосы растутъ въ Вѣрномъ, но особенно въ предѣлахъ Кульджинскаго округа, разумѣется все же въ узкихъ подгорныхъ оазисахъ. Вѣ послѣднихъ, составляющихъ едва ли болѣе 300 квадратныхъ миль на 13,000 всего протяженія края, какъ

уже сказано, разстилаются степи, песчанья около Балхаша, твердоглинистыя въ другихъ мѣстахъ, но вообще бѣдныя даже травами.

Животное царство очень разнообразно породами, хотя не богато числомъ особей, кромѣ, конечно, породъ скота, сопровождающихъ человѣка. Изъ большихъ дикихъ звѣрей можно замѣтить медвѣдей на Алтаѣ и Алатау, волковъ всюду, тигровъ въ забалхашскомъ краѣ, т. е. въ уѣздахъ Копальскомъ и Вѣрненскомъ, кабановъ почти вездѣ, по камышамъ. Но главные представители млекопитающихъ суть: лошади, коровы, верблюды и овцы изъ прирученныхъ, и горныя козы, сурки и лисицы изъ дикихъ. Между птицами стоитъ замѣтить фазановъ въ Зайсайскомъ краѣ, между пресмыкающимися змѣй, тамъ же, и наконецъ изъ насѣкомыхъ назовемъ полезное — пчелу, на Алтаѣ и въ Алатау, и вредное — фалангу, въ прибайкальскихъ степяхъ.

Минеральныя богатства страны разнообразны, хотя еще мало приносятъ пользы человѣку, потому что нѣтъ искусныхъ рукъ для ихъ разработки, да и мало топлива. Въ Семипалатинской области извѣстны: графитъ въ горѣ Айджалъ, каменный уголь въ разныхъ мѣстахъ по Тарбагатаю, мѣдь, серебро, отчасти квасцы и сѣра тамъ же; въ Семирѣченской золото, по Хатынь-су и Тентеку, серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо и уголь въ разныхъ мѣстахъ прибайкальскаго края, особливо въ Кульджинскомъ округѣ.

Пути сообщенія.

Обыкновенно степи легко проходимы во всѣхъ направленіяхъ, гдѣ нѣтъ очень высокихъ горъ, озеръ и солончаковъ. Это, конечно, вѣрно и для Чжунгарскаго пограничнаго пространства; но здѣсь къ тремъ названнымъ препятствіямъ присоединяются еще мѣстами пески и тростниковыя болота. Пески, впрочемъ, лежатъ по преимуществу въ западной части пространства, къ сторонѣ Балхаша, и внѣ этой полосы только въ трехъ мѣстахъ занимаютъ довольно широкія площади: вдоль лѣваго берега Чернаго Иртыша, между Ала-кулемъ и Балхашемъ, и наконецъ вдоль по рѣкѣ Или, гдѣ и препятствуютъ устройству хорошихъ дорогъ. Тростниковыя болота встрѣчаются почти въ тѣхъ же мѣстностяхъ, т. е. у Чернаго Иртыша, Зайсана, Алакуля, Сасыкъ-куля и Или, и собственно служатъ препятствіемъ для сообщеній только въ ложбинѣ между Тарбагатаемъ и Чжунгарскимъ Алатау, но и то не вездѣ. Затѣмъ, какъ при описаніи горъ исчислены уже существующіе среди ихъ проходы, то здѣсь можно прямо перейти къ исчисленію главнѣйшихъ *торныхъ* дорогъ въ краѣ, какъ теплѣйшихъ, такъ отчасти и вьючныхъ.

1) Важнѣйшая изъ этихъ дорогъ есть почтовый трактъ *изъ Семипалатинска въ Вѣрный*, который проходитъ черезъ Сергіополь и Копаль и имѣеть въ длину 991 версту. Здѣсь на важнѣйшихъ рѣкахъ, Иртышѣ, Или, Ленеѣ и Аксу, устроены паромныя переправы, а на Караталѣ и Коксу даже мосты. Вообще эта дорога есть лучшая изъ всѣхъ степныхъ въ цѣлой Россіи.

2) *Изъ Семипалатинска* же идетъ важная въ военномъ отношеніи дорога *въ долину Бухтармы*, продолжающаяся потомъ *до Кобдо*. Общая длина 966 верстъ, изъ которыхъ 284 версты, до караула Чингистая, можно ѣхать на колесахъ, а потомъ по вьючнымъ тропамъ, иногда затруднительнымъ. Последнія 280 верстъ дорога пролегаетъ въ китайскихъ предѣлахъ, между карауломъ Гарату и городомъ Кобдо.

3) *Изъ Семипалатинска въ Зайсанскій постъ* прямо чрезъ Кокбекты, минуя Усть-Каменогорскъ, 511 верстъ колесной дороги, которая въ южной своей части, за Кокбектами, есть вмѣстѣ и почтовая. До Кокбектовъ же почтовый трактъ изъ Семипалатинска идетъ на Усть-Каменогорскъ, отъ котораго разстояніе до Кокбектовъ 155 верстъ и до Семипалатинска 202 версты. Изъ Зайсанскаго поста двѣ дороги ведутъ на Кобдо: одна чрезъ Акъ-тюбе, долиною праваго берега Чернаго Иртыша къ верховью рѣки Кирана, гдѣ переваль черезъ Эктагъ-Алтай — трудная; другая, южиѣ Чернаго Иртыша, мимо озера Эбиноръ или Улюнгуръ и по р. Улюнгуръ, въ обходъ Эктагъ-Алтая съ юга, болѣе удобная.

4) *Изъ Усть-Каменогорска въ Сергіополь* прямо 350 верстъ степного пути, весьма удобнаго для перехода казаковъ.

5) *Изъ Усть-Каменогорска въ Сергіополь* черезъ Кокбекты, такого же свойства дорога длиною 380 верстъ, т. е. короче почтоваго тракта на 100 верстъ.

6) *Изъ Сергіополя въ Чугучакъ* 252 версты и далѣе въ *Кобдо* 922 версты, а всего 1174 версты, въ обходъ Эктагъ-Алтая съ юга, по рѣкамъ Урунгу и Чаганъ-голу. До Чугучака, и даже нѣсколько далѣе, путь этотъ годится для ѣзды на колесахъ, но въ степяхъ и горахъ соседнихъ Черному Иртышу и рѣкѣ Урунгу онъ вьючный и притомъ нелегкій. Последняя его часть, отъ шибета Чаганъ до Кобдо, совпадаетъ съ караванной дорогой изъ Урумци и Баркуля.

7) На эту же чугучакско-кобдоскую дорогу у озера Улюнгуръ выходитъ и дорога *въ Кобдо изъ Зайсанскаго поста*, длиною всего 828 верстъ, по степямъ и горамъ.

8) Отъ *Чугучака въ Урумци* бывшею китайскою почтовою Т. LXXXVII. Отд. I.

дорогою 643 версты, причѣмъ на второй сотнѣ верстѣ приходится пересѣкать Барлукскія горы, гдѣ, впрочемъ, Чжаирскій переваль годенъ и для колесной ѣзды.

9) Изъ Чулукака въ Кульджу по китайской пикетной дорогѣ, черезъ Каптагайскую тѣснину, 400 верстѣ вьючнаго пути, выходящаго, впрочемъ, у озера Сайрама на колесную дорогу изъ Урумчи въ Кульджу.

10) Изъ Копала въ Кульджу, почтовая дорога черезъ Алтын-Имель, длиною 381 верста.

11) Изъ Кульджи въ Куръ-кара-усу, Манасъ и Урумчи, длиною 708 верстѣ хорошей вьючной или даже колесной дороги, ведущей сначала на Талкинскій хребетъ, а потомъ у сѣверной подошвы Прень-хабиргана и Небесныхъ горъ. Дорога нѣкогда хорошо населенная, а нынѣ почти пустая.

12) Изъ Върнаго въ Кульджу кратчайшая дорога, по большей части вьючная, проходящая черезъ низовья Чарына и имѣющая въ длину 360 верстѣ. Если же взять нѣсколько южнѣе черезъ бродъ Телекъ, гдѣ нѣтъ песковъ и лучше корма, то 400 верстѣ.

13) Отъ Върнаго къ Мусарту, черезъ плоскогорье Мерке, 365 верстѣ вьючнаго пути.

14) Отъ укрѣпленія Каракольскаго на Иссыкъ-куль до Кульджи, черезъ проходъ Кетмень, 275 верстѣ.

15) Изъ Кульджи въ Аксу, поперекъ Тянь-шаня, черезъ Мусартъ, 591 верста, вьючной и весьма трудной дороги.

Съ военной точки зрѣнія, о всѣхъ вообще исчисленныхъ выше путяхъ можно замѣтить слѣдующее:

1) За исключеніемъ иртышской линіи, зимніе походы по нимъ весьма неудобны, потому что нѣтъ населенныхъ мѣстностей для почлеговъ, а между тѣмъ, по суровости климата, бивуакировать по ночамъ, при отсутствіи топлива, положительнаго невозможно.

2) Лучшія изъ исчисленныхъ дорогъ суть почтовые въ предѣлахъ Россіи—за исключеніемъ опять-таки прииртышской—страдаютъ недостаткомъ сѣна и другого фуража въ теченіе всей зимы, и потому слѣдуетъ избѣгать передвиженія зимою даже однихъ обозовъ.

3) Какъ, съ другой стороны, травы въ степи выгораютъ въ срединѣ лѣта, то удобнѣйшимъ временемъ для похода остаются весною апрѣль и май, осенью сентябрь и октябрь. Въ это время, дѣйствительно, и дѣлаются у насъ всѣ главнѣйшія передвиженія войскъ и военныхъ тяжестей.

4) Продовольствіе людей масомъ, при походахъ, до известной сте-

пени можетъ быть обезпечено вездѣ покупкою скота у номадовъ, если только они не уйдутъ вдаль отъ дороги, что случается нерѣдко. Вообще же войскамъ удобнѣе брать порціонный скотъ съ собою, а хлѣбъ, соль, овощи и другія приправы даже непрѣменно нужно возить въ обозѣ, за исключеніемъ путей изъ Семипалатинска на Бухтарму и отчасти на Върный.

5) Вездѣ, кромѣ почтовыхъ дорогъ, могутъ встрѣтиться задержки отъ переправъ черезъ рѣки въ половодье, которое, впрочемъ, не бываетъ продолжительнаго.

6) Срединя лѣта неудобна для движенія войскъ не только потому, что выгораютъ травы и бываетъ мало воды въ ключахъ и колодцахъ, но еще и по причинѣ большого числа насѣкомыхъ: оводовъ, мухъ, комаровъ, а въ Илійской долинѣ еще и фалангъ. Впрочемъ, держась подошвы горъ, можно всегда находить достаточно травы и воды даже въ самой срединѣ лѣта.

8) Лучшіе часы для похода, лѣтомъ, отъ четырехъ до девяти утра и отъ пяти до восьми вечера. Большіе переходы лучше дѣлать сразу, т. е. безъ продолжительнаго привала.

8) Для варки пищи всегда не лишнее имѣть въ обозѣ нѣсколько топлива; ибо стоитъ пойти дождю, чтобы обычное степное топливо, кизякъ, сдѣлалось негоднымъ.

9) Главныя вьючныя животныя суть верблюды: для нихъ нужно имѣть отъ пяти до семи фунтовъ соли на каждаго въ мѣсяцъ, и тогда самыя сильныя жары и бескормицу они переносятъ легко.

10) Водопои на всѣхъ станціяхъ исчисленныхъ выше дорогъ довольно обильны, кромѣ пикетовъ Арганатинскаго и Ащи-булакскаго, на дорогѣ изъ Сергіополя въ Копаль.

11) При слѣдованіи войскъ по новымъ путямъ, въ сторонѣ отъ исчисленныхъ, всегда должно, не полагаясь на карты, брать проводниковъ изъ туземцевъ, особливо киргизовъ, хорошо знающихъ состояніе водопоевъ и кормовъ; но ихъ слѣдуетъ имѣть въ небольшомъ числѣ и надежныхъ: иначе легко держать при себѣ двойного шпіона.

Сказанныя выше замѣчанія приложимы ко всѣмъ вообще степнымъ походамъ, а потому ихъ нужно имѣть въ виду при обзорѣ нн всѣхъ вообще степныхъ участковъ границы, хотя они тамъ, для избѣжанія повтореній, опущены.

Населеніе.

Два главныя племени составляютъ туземное населеніе Чжунгарскаго

приграничнаго пространства: киргизы и калмыки—оба кочевья. Последние, т. е. калмыки, долгое время были народомъ господствующимъ и распространялись далеко на западъ отъ района теперешнихъ ихъ кочевь. Еще русскіе, при завоеваніи Сибири, застали калмыцкія стойбища не только на Иртышѣ, но даже на Ишимѣ. Потомъ ишимскіе калмыки-торгоуты ушли въ астраханскія степи, а наконецъ, въ 1771 году, бѣжали оттуда и, преслѣдуемые сначала русскими, а потомъ киргизами, едва добрались до илійскаго оазиса, гдѣ остатки ихъ приютились подъ властью Китая; другое, и еще большее, ослабленіе калмыцкаго народа произведено самимъ же Китаемъ. Именно, въ 1757 году, ополченія Средняго царства истребили около миліона чжунгаровъ, не задолго передъ тѣмъ составлявшихъ сильное государство. Въ XIX столѣтіи, вообще можно сказать, что калмыцкій народъ, на своей родной почвѣ, оставался весь въ подданствѣ Китая; большинство же киргизовъ составляло населеніе русскихъ степей, что продолжается и донынѣ, съ немногими исключеніями, произведенными народнымъ движеніемъ 1863—71 годовъ.

На этомъ коренномъ этнографическомъ фонѣ страны, въ теченіе послѣднихъ 120 лѣтъ, наслонилось довольно разнообразное пришлое населеніе, которое пустило столь глубокіе корни, что сдѣлалось господствующимъ, если не по числу, то по могуществу и богатству. Главными пришельцами были съ нашей стороны русскіе и татары, съ китайской—китайцы, дунгане, таранчи, маньчжуры, чахары, сибиряки и солонь. Укажемъ здѣсь географическое распредѣленіе этихъ племенъ и приведемъ, по возможности, цифры объ ихъ численности.

1. *Киргизы.* Въ трехъ уѣздахъ Семипалатинской области: Семипалатинскомъ, Усть-Каменогорскомъ и Зайсанскомъ, живетъ ихъ около 120,000 душъ. Они раздѣлены, на основаніи положенія 1867 года, въ административномъ отношеніи, на волости, числомъ двадцать; но, въ политическомъ смыслѣ, доселѣ важнѣе знать ихъ дѣленіе на роды, каковы, напримѣръ, муруновскій около Кокбектово, кара-киреевскій на сѣверѣ отъ Зайсана, байджитовскій вблизи Тарбагатай, и пр. Байджиты и кирей особенно важны въ томъ смыслѣ, что многочисленныя ихъ родовичи кочуютъ и въ китайскихъ предѣлахъ, по сосѣдству съ зайсанскимъ приставствомъ; слѣдовательно они надолго сохранять эти заграничныя связи, обыкновенно столь невыгодныя для политическаго спокойствія края.

Въ трехъ уѣздахъ Семирѣченской области: Лепсинскомъ (Сергійпольскомъ), Копальскомъ и Вѣрненскомъ, живетъ до 320,000 киргизовъ, Средней и Большой орды. Въ Лепсинскомъ уѣздѣ за-

служиваютъ вниманію, въ политическомъ отношеніи, байджиты и кызаи, какъ самые безпокойные приграничныя подданные и отчасти сосѣди. Номинально часть ихъ состояла въ нашемъ подданствѣ уже съ 1847 года; но фактически никто такъ часто не уклонялся отъ выраженія подданнической зависимости, какъ они. Мало того: они перѣдко занимались разбоями въ нашихъ предѣлахъ, уходя потомъ въ китайскіе, и наоборотъ. Въ 1865 году, значительная часть нашихъ байджитовъ ушла къ дунганямъ подъ Манасъ, но потомъ многіе вернулись оттуда. Однако и теперь изъ пятнадцати подродовъ байджитовскихъ только пять находятся въ нашихъ предѣлахъ. Большая часть кызаевъ то же, а ихъ считается всего до 20,000 кибитокъ=90,000 душъ.

У киргизовъ Большой орды изстари различались три главные рода: джалаиры, адбано-суваны и дулаты, которые сохранились и теперь, несмотря на то, что киргизы раздѣлены на волости, числомъ до тридцати. Роды эти имѣютъ и свои историческія мѣста для кочевья, именно: джалаиры на Каратаѣ, адбаны по обѣимъ сторонамъ хребта Алтын-Имельскаго и частію на Чарышѣ, дулаты къ западу отъ Чарына до Балхаша и къ югу отъ Или до горъ Алатау. Политическая надежность этихъ киргизовъ хотя удовлетворительна, но все еще весьма условна, особенно потому, что въ ордѣ есть немало вліятельныхъ лицъ, помнящихъ независимость своего народа до 1846 года. Надежнѣе прочихъ дулаты, ближайшіе сосѣди заилійскихъ селеній нашихъ; однако и они въ 1861 году, при вторженіи въ наши предѣлы коканцевъ, вели себя не совсѣмъ хорошо. Адбаны же, до самаго послѣдняго времени, охотно переходили за границу, въ Илійскій округъ, и сдѣлались особенно склонны къ тому со времени возникновенія къ Кульдѣ мусульманскаго владѣнія. Одинъ изъ адбановскихъ биевъ, Джитень, составилъ себѣ даже извѣстность грабежами въ нашихъ предѣлахъ, которые онъ производилъ изъ-за границы. Нынѣ, съ занятіемъ нами Кульджи, адбаны, отовсюду окруженные нашими войсками, вполне присмирѣли. Вообще, въ Илійскомъ округѣ нами найдено было 22,000 киргизовъ, которые всѣ обложены нынѣ общими для ихъ соплеменниковъ податями, и на первое время, по малой своей надежности, получили начальниковъ не по выборамъ, а по назначенію семирѣченскаго губернатора.

Принявъ въ соображеніе части родовъ киреевскаго, байджитовскаго, кызаевскаго, кочующія въ китайскихъ провинціяхъ, въ числѣ, вѣроятно, около 80,000 душъ, мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что все число киргизовъ, какъ Средней, такъ и Боль-

шой орды, въ предѣлахъ разсматриваемаго края, простирается до 580,000 душъ. Всѣ они номады, но многіе занимаются земледѣліемъ, по рѣкамъ текущимъ съ Алтая, Тарбагатая, Калбинскаго хребта, Чжунгарскаго и Заилійскаго Алатау. Тѣ же, которые живутъ у Иртыша и вообще близъ русскихъ селеній, нерѣдко служатъ въ работникахъ у казаковъ и купцовъ, а въ округѣ Кокбектинскомъ и на горныхъ приискахъ, которые, напримѣръ, въ 1865 году, занимали свыше 1,500 киргизскихъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ киргизовъ въ послѣдніе годы завели сами ослѣдности, какъ, напримѣръ, султанъ Букашъ на Аркатѣ и нѣсколько киргизовъ въ Семирѣчьѣ, гдѣ занимаются земледѣліемъ. Но добываемаго ими хлѣба, преимущественно проса, они не пускаютъ въ продажу, а потребляютъ сами, упрочивая тѣмъ господство надъ собой русскихъ; ибо привыкшіи къ хлѣбу киргизы, особенно хлѣбонасецъ, мало по малу совершенно утрачиваютъ свои хищническія наклонности, дѣлаются миролюбивымъ, консерваторомъ и покоряется цивилизованнымъ пришельцамъ, безъ которыхъ рѣшительно обойтись не въ состояніи.

Военной службы киргизы не несутъ; но всякій разъ, когда снаряжается отрядъ для похода или даже для стоянки на границѣ, принято у насъ за правило придавать къ нему нѣсколько киргизскихъ всадниковъ для содержанія почты, для развѣдокъ и, въ мѣстностяхъ мало извѣстныхъ, для указанія путей. Въ боевомъ отношеніи, киргизская милиція никуда не годится, и даже большее число киргизовъ при отрядѣ составитъ для него скорѣе обузу, чѣмъ помощь.

Подати киргизскаго народа состоятъ изъ кибиточнаго сбора по три рубля серебромъ съ юрты, и изъ дополнительнаго земскаго сбора по 50 коп. съ юрты же. Въ суммѣ это составитъ около 380,000 рублей серебромъ, и такая сумма едва-ли можетъ быть увеличена по причинѣ бѣдности номадовъ, изъ которыхъ многіе составляютъ настоящихъ пролетаріевъ, по мѣстному выраженію «байгушей» (*).

Относительно числа скота, содержаимаго киргизами, нѣтъ возможности привести сколько-нибудь опредѣлительныя данныя, ибо всѣ такъ называемыя официальныя цифры весьма далеки отъ истины. Можно только сказать, что киргизы Большой орды богаче другихъ скотомъ, вѣроятно потому, что до самаго 1863 года не несли никакихъ податей, а можетъ быть и потому, что у нихъ рѣже случают-

(*). Эта цифра выражаетъ собою почти все, что получаетъ государственное казначейство въ видѣ прямыхъ налоговъ съ пространства въ 7,200 кв. м., которое, следовательно, оказывается менѣе доходнымъ, чѣмъ одинъ какой-либо уездъ Московской губерніи, занимающій площадь въ 160 разъ менѣе.

ся надежи отъ зимнихъ бурановъ и гололедицы. Во всякомъ случаѣ, всѣ военныя надобности въ лошадяхъ и верблюдахъ, какъ перевозномъ средствѣ, и въ баранахъ и рогатомъ скотѣ на мясо, всегда могутъ быть удовлетворены безъ труда и по цѣнамъ невысокимъ.

2) *Калмыки* до 1860-хъ годовъ жили, на описываемомъ пространствѣ, двумя главными группами: на сѣверѣ по Черному Иртышу, и на югѣ въ Илійскомъ округѣ. Возмущеніе мусульманъ и захватъ ими власти въ Или повели за собою эмиграцію калмыцкихъ племенъ на сѣверъ и югъ, причемъ изъ прежнихъ ихъ кочевовъ многія достались киргизамъ. Особенно велико было переселеніе изъ Илійскаго округа на сѣверъ, въ бассейны озеръ Сайрама, Булхаци и отчасти Алакули (рѣка Эмиль), куда ушло 60 сумуновъ, занявшихъ земли Тарбагатаяскаго и Курь-кара-усуйскаго округовъ, которые остались пустынными послѣ удаленія дунганей и части киргизовъ на востокъ, къ Урумци и Манасу. Другая часть илійскихъ калмыковъ уючевала къ намъ, въ Семирѣчьѣ, и частію водворилась тамъ навсегда, частію ожидала случая вновь переселиться въ китайскіе предѣлы. Наконецъ, двадцать сумуновъ ушли-было къ своимъ соплеменникамъ на Юлдусъ, т. е. въ Тянь-шаньскія горы, но должны были вернуться, такъ какъ мѣстные торгоуты и хошоты сами нуждались въ кочевкахъ. Въ 1871 году часть юлдусскаго кочевого населенія также пришла на сѣверный склонъ Тянь-шани и расположена по Кунгесу.

На Черномъ Иртышѣ издавна находятся главныя стоябища торгоутовъ, дурботовъ и хойтовъ, вѣдомства Кобдоскаго и Тарбагатаяскаго округовъ. Торгоуты поколѣніе наиболѣе многочисленное, могущее выставить до 12,300 взрослыхъ всадниковъ, слѣдовательно достигающее численности въ 120,000 душъ. Они вѣдаются въ настоящее время чаганъ-кегенемъ, лицомъ столько же правительственнымъ, сколько духовнымъ, отличающимся воинственностью и большимъ вѣсомъ у родовичей и китайцевъ. Дурботы — числомъ до 52,000 душъ, хошоты — 18,000, и хойты — 5,000, держашіеся близъ Чернаго Иртыша, Эктагъ-Алтая и по системѣ озера Кызыль-баша, доводятъ эту цифру калмыцкаго населенія, оставшагося вѣрнымъ Китаю, до 200,000 душъ. Присоединивъ сюда тѣхъ, которые живутъ у насъ, а также эмигрантовъ изъ Илійскаго округа въ Тарбагатаяскій, мы получимъ, что все калмыцкое населеніе на описываемомъ пространствѣ достигаетъ до 320,000 душъ, о состояніи которыхъ можно сказать совершенно то же, что о киргизахъ, т. е. что это номады, мѣстами занимающіеся земледѣліемъ, нерѣдко хищничествомъ, и поставляющіе

главное свое богатство въ стадахъ. Ихъ коренное отличіе отъ киргизовъ состоитъ въ религіи, буддійской, а не мусульманской, и въ подчиненіи частію родовымъ владѣльцамъ, зайсанамъ, частію ламамъ и хутухтамъ, изъ которыхъ одинъ, чаганъ-кегенъ, есть личность весьма вліятельная. Съ политической точки зрѣнія весьма любопытно замѣтить, что калмыки суть исконные враги киргизовъ.

Калмыцкія земли, по удобству къ хлѣбопашеству, конечно не лучше нашихъ киргизскихъ степей; но осѣдлости у калмыковъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у киргизовъ, потому что у нихъ духовенство обыкновенно живетъ особыми селеніями или общинами, въ родѣ монастырей, какъ, напримѣръ, на Буруль-тогоѣ, на Кобукѣ, у Сайрамъ-нора и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

3) *Таранчи* — третье по многочисленности племя изъ живущихъ на чжунгарскомъ пограничномъ пространствѣ — сосредоточены главнымъ образомъ въ Илійскомъ округѣ, гдѣ число ихъ достигаетъ до 39,000 душъ. Центромъ ихъ населенія служитъ Старая Кульджа, а главная масса разселена по деревнямъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ отъ этого города, числомъ девятнадцать. Таранчи суть мало-бухарцы, выселенные на Или изъ Восточнаго Туркестана около ста лѣтъ назадъ китайскимъ правительствомъ, которое вслѣдствіи старалось ослабить безпокойное населеніе Алтышара, расселить его и перемѣшать съ другими народами. Таранчи во многомъ походятъ на нашихъ сартовъ Туркестанскаго края, имѣютъ тѣ же обычаи, тотъ же образъ жизни, состоящій въ занятіяхъ торговлею и земледѣіемъ, но языкъ ихъ не персидскаго, а тюркскаго корня. Въ 1867 году они побѣдили въ Илійскомъ округѣ своихъ единовѣрцевъ, дунганъ, и съ тѣхъ поръ владѣли всей территоріей этого округа, подчинивъ себѣ киргизовъ, остатки калмыковъ, дунганъ, китайцевъ, солоновъ и сибю. Они управлялись султаномъ, вышедшимъ изъ самаго народа, и состоявшими подъ нимъ беками. Дунгане, китайцы и проч. были всегда недовольны ими; но киргизы, вышедшіе отъ насъ, благосклонно ими принимались и пользовались ихъ покровительствомъ въ грабежахъ и барантахъ на нашей территоріи. Вслѣдствіе этого, отношенія Россіи къ таранчамъ сдѣлались непріязненны, и какъ илійскій султанъ не оказывалъ достаточно вниманія къ нашимъ жалобамъ и продолжалъ укрывать нашихъ бѣглецовъ, то пришлось употребить противъ него силу, что и повело къ завоеванію, лѣтомъ 1871 года, всего Илійскаго округа. Теперь таранчи спокойно управляются нашими участковыми начальниками и поставленными отъ насъ аксакалами. Народъ они осѣдлый, занимаются земледѣіемъ, торговлею и ремеслами; но, въ послѣднемъ

отношеніи, должны уступить болѣе развитымъ и трудолюбивымъ дунганямъ.

4) *Дунгане* — выходцы изъ сѣверо-западныхъ провинцій собственно Китая, гдѣ они усвоили всѣ витайскіе обычаи, знанія и языкъ, но сохранили мусульманскую вѣру предковъ, переселенцевъ изъ Туркестана. Это народъ способный, энергическій, превосходящій по развитію таранчей. Опрокинувъ власть маньчжуровъ, они желали сохранить миръ съ нами, охраняли цѣлость нашей чугучакской факторіи и неразъ предлагали возстановить торговыя связи, на что, впрочемъ, съ нашей стороны, по силѣ дружественныхъ отношеній нашихъ къ Китаю, противъ котораго они явились инсургентами, не получали отвѣта. Въ 1867 году, послѣ ссоры ихъ съ таранчами, они были побѣждены послѣдними въ Или, и часть ихъ ушла къ соплеменникамъ въ Манасъ и Урумци, а нѣкоторые остались на сѣверо-западѣ отъ Кульджи въ своихъ кентахъ, т. е. укрѣпленныхъ селеніяхъ. Подчинясь таранчамъ, они однако не сливались съ ними и даже были во враждебныхъ къ нимъ отношеніяхъ, такъ что въ 1871 году, предъ взятіемъ нами Кульджи, были отчасти вырваны таранчами, и теперь ихъ не болѣе 5,200 душъ, занимающихся торговлею, садоводствомъ, посѣвомъ проса, пшеницы и отчасти даже хлопка и риса. Они живутъ нынѣ въ четырехъ селеніяхъ, изъ которыхъ главное Суйдунъ. Чугучакскіе дунгане въ 1867 году ушли изъ Тарбагатайскаго округа въ Урумци, почему Чугучакъ опустѣлъ совершенно и обратился въ развалины, изъ которыхъ жители сѣднаго нашего селенія, Бактовъ, доставали кирпичъ на постройки. Теперь хотя онъ возобновляется по-немногу, но едва-ли привлечетъ въ себѣ дунганъ. Общее число ихъ, остающееся на всемъ описываемомъ пространствѣ, какъ видно, не превосходитъ нѣсколькихъ тысячъ, а остальные перебиты вмѣстѣ съ китайцами въ 1866—67 годахъ, или же находятся въ истребительной войнѣ съ Якубъ-бекомъ кашгарскимъ, который въ 1871 году овладѣлъ ихъ главнымъ городомъ Урумци.

5) Другія народности, жившія до 1865 года въ витайскихъ предѣлахъ, особенно въ Или, именно *маньчжуры, китайцы, чажары, сибю, солоны*, были сильно истреблены во время инсurreкціи, какъ представители китайской власти въ Чжунгаріи. Часть солоновъ и сибю перешла къ намъ и живетъ теперь на Сарканѣ, гдѣ приняла православную вѣру и зачислена въ казаки; другая, въ числѣ 15,500 душъ, находится въ Кульджинскомъ краѣ, а третья, очень немногочисленная, возвратилась къ китайцамъ, въ Тарбагатайскій округъ. Большинство послѣдней, именно 2140 человекъ, пробовали въ 1870

году отправиться въ Кобдоскій округъ; но за трудностью пути вернулась осенью того же года опять на Коктумъ, а въ 1871 г. перешли въ Чугуганъ вмѣстѣ съ тѣми, которые оставались на Коктумѣ, въ числѣ 1220 человекъ. Теперь вообще изъ названныхъ пяти народностей остается у насъ:

китайцевъ	3,373
маньчжуровъ	450
сибо, на Или	15,448
чахаровъ	7,476

а сколько именно находится въ предѣлахъ Тарбагатайскаго и Куръ-караусуйскаго округовъ, т. е. на китайскихъ земляхъ, неизвѣстно. Вѣроятно, впрочемъ, что это число не превосходитъ 4,000—5,000 душъ.

6) *Сибирскіе татары и сарты*, русскіе подданные, проживаютъ, въ числѣ около 4,700 душъ, въ Вѣрномъ, Копалѣ, Кокбектахъ и особенно въ Семипалатинскѣ, а частію по ауламъ киргизовъ, гдѣ занимаются торговлею или обученіемъ киргизскихъ мальчиковъ грамотѣ. Нѣкоторые изъ бѣглыхъ коканскихъ мусульманъ, поселившихся среди нашихъ номадовъ, называются въ краѣ *челоказакими*.

7) *Русскіе*—позднѣйшіе изъ всѣхъ пришельцевъ въ прежней Чжунгаріи и нынѣ господствующій на описываемыхъ пространствахъ народъ—разселены тремя главными группами: на сѣверѣ, по Иртышу и его правымъ притокамъ; въ срединѣ, у сѣверной подошвы Чжунгарскаго Алатау, и на югѣ, у сѣверной же подошвы Заплайскаго Алатау. Кромѣ того, отдѣльныя поселенія ихъ находятся въ Кокбектахъ, на Курчумѣ, въ Зайсанскомъ постѣ, Сергіополѣ, Урджарѣ, Бактахъ и Борохудзирѣ. Большинство русскихъ принадлежитъ къ военному сословію, солдатъ и казаковъ, изъ которыхъ послѣдніе всѣ занимаются земледѣліемъ и нерѣдко также имѣютъ значительныя стада скота. Бушцовъ же и ремесленниковъ между русскими немного, и они особенно сосредоточены въ Семипалатинскѣ, Копалѣ и Вѣрномъ. Слѣдующій перечень населенныхъ пунктовъ показываетъ состояніе русской колонизаціи въ 1871 году:

а) *На Иртышѣ*, съ административными центрами въ Семипалатинскѣ и Усть-Каменогорскѣ, 36 селеній, начиная отъ форпоста Белокаменскаго до Мало-Нарынскаго и до селенія Котонъ-карагай на рѣкѣ Бухтармѣ. Въ этихъ 36 селеніяхъ, съ городами, есть въ томъ числѣ русскихъ болѣе 12,500 душъ.

б) Между *Иртышемъ и Илею*, 21 селеніе, съ 11,000 жителей, частью казаковъ, частью крестьянъ. Главные изъ этихъ осѣд-

лостей суть Зайсанскій постъ, Кокбекты, Урджаръ, Сергіополь, станція Лепсинская и городъ Копаль.

с) *На югъ отъ Или*, девять селеній, съ 8,200 жителями, сосредоточенными главнымъ образомъ въ станцияхъ Большой и Малой Алматинскихъ, Исыкской, Талгарской и Каскеленской, изъ которыхъ двѣ первыя образуютъ городъ Вѣрный, съ 3,500 душъ.

Всего, съ регулярными войсками, которыя расположены въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ 56 пунктовъ, имѣется русскихъ до 35,000 душъ; изъ нихъ, впрочемъ, не болѣе 11,000 на обширномъ пространствѣ между Иртышемъ и Илею, почему нынѣ обращено вниманіе на усиленіе русской колонизаціи въ этихъ мѣстахъ. Замѣтимъ вообще, что чжунгарская окраина у насъ населена лучше всѣхъ прочихъ стеной, отчасти потому, что здѣсь много высокихъ горъ и, слѣдовательно, подгорныхъ оазисовъ, отчасти по той причинѣ, что здѣсь съ самаго начала колонизаціи мы приходили въ торговныя связи съ осѣдлымъ населеніемъ сосѣднихъ китайскихъ провинцій; ибо эти связи упрочивали положеніе нашихъ колонистовъ и привлекали новыхъ. Наконецъ заплайскія поселенія, возникшія послѣ другихъ, много обязаны своимъ процвѣтаніемъ разнымъ временнымъ покровительственнымъ мѣрамъ и счастливому положенію ихъ на торговомъ распутѣ между Кульджею, Ташкентомъ, Башгаромъ и Семипалатинскомъ.

Къ исчисленнымъ народностямъ, для полноты обзора, можно еще присоединить небольшое число *уринховъ*, разбѣянныхъ въ южныхъ частяхъ алтайской горной страны. Они живутъ по рѣкамъ, текущимъ справа въ Черный Иртышъ, и очень малочисленны. Затѣмъ все населеніе описываемаго пространства представить намъ, въ окончательныхъ итогахъ, слѣдующее:

Киргизовъ	580,000
Калмыковъ	320,000
Монголовъ-чахаровъ и маньчжуровъ	8,900 ?
Таранчей въ Кульджинскомъ округѣ	39,000 ?
Татаръ и сартовъ въ Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ	4,700
Дунганъ	5,500 ?
Китайцевъ	3,500 ?
Солоновъ и сибо	16,000
Уринховъ, вѣроятно менѣе тысячи	?
Русскихъ	35,000
Итого	1,012,700

Если вѣрить китайскимъ извѣстіямъ, что въ 1756 году было истреблено войсками Средняго царства именно столько же народа, составлявшаго почти все населеніе Чжунгарскаго царства, и что затѣмъ даже вѣковая колонизація, соединенная съ обработкой земель, не привела къ большей цифрѣ, то можно сказать, что въ эпоху сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній чжунгарское пограничное пространство не заключало въ себѣ болѣе 1,100,000—1,200,000 жителей. И, судя по тому, что нынѣ уже не осталось почти свободныхъ земель, годныхъ для обработки, надо допустить, что эта цифра есть *предѣльная* для страны, которая однако вдвое болѣе Франціи. Таково вліяніе непроизводительности почвы, зависящее, въ свою очередь, отъ сухости климата. Лучшая по плодородію часть страны есть Кульджинскій округъ, и тамъ мы видимъ наибольшую густоту населенія, хотя густоту весьма относительную, ибо на квадратную милю приходится не свыше 127 душъ. Экономическое состояніе населенія также доказываетъ, что край принадлежитъ къ весьма бѣднымъ, какъ видно изъ слѣдующаго. Главную и почти единственную промышленность страны составляетъ *скотоводство*. Если принять за основу наши официальные счисленія скота въ областяхъ Семипатинской и Семирѣченской, въ которыхъ на пространствѣ семи уѣздовъ живутъ около 48,000 киргизовъ, то все 900-тысячное кочевое населеніе края имѣетъ около 900,000 головъ крупнаго скота (лошадей, коровъ, верблюдовъ) и 4,000,000 овецъ, т. е. по одной крупной и по $4\frac{1}{2}$ мелкихъ скотины на душу. Переводя это въ деньги, по самымъ высшимъ среднимъ цѣнамъ, 25 рублей за крупную и 2 рубля за мелкую скотину, мы получимъ, что всѣ достатки кочевого населенія страны простираются въ капиталъ до 31,000,000 рублей, по $34\frac{1}{2}$ рубля на душу. Затѣмъ ни киргизъ, ни калмыкъ не имѣетъ въ дѣйствительности ничего.

Но допустимъ, что взаимныя ничтожности капитала процентъ съ него—въ видѣ кумыса, сыра, шерсти, овчины, сала, и пр.—очень великъ, напримѣръ, $\frac{1}{4}$ стоимости всего имущества (25%, что не вѣроятно), все же мы получимъ годового дохода (пусть даже онъ весь считается за чистый) не болѣе $8\frac{1}{2}$ рублей на душу или 40 рублей на семью. Самый бѣдный латышъ или литвинъ является капиталистомъ передъ такимъ пролетаріемъ Средней Азіи.

Конечно, кочевники имѣютъ, кромѣ доходовъ отъ стадъ, нѣкоторыя выручки отъ другихъ занятій, напримѣръ отъ хлѣбопашества, отъ перевозки кладей, отъ нѣкоторыхъ ремеселъ: но все это есть уже доходъ придаточный и рѣдко значительный. Притомъ онъ

едва-ли въ состояніи покрывать тѣ потери, которыя номады часто терпятъ отъ падежа скота, при буранахъ и гололедѣхъ зимою или при сибирской язвѣ, санѣ и пр. лѣтомъ. Вотъ почему мы видимъ, что, несмотря на ознакомленіе, около русскихъ и китайцевъ, со многими завлекательными улучшеніями быта, кочевой среднеазіецъ не ввелъ у себя этихъ улучшеній: они выше его средствъ, выше способовъ, которые ему доставляетъ родная почва. И какъ на увеличеніе производительности этой почвы нѣтъ пока надеждъ, то бѣдность есть вѣчный удѣлъ массы всякаго кочевого населенія. И если еще осѣдлые пришельцы займутъ всѣ земли, годныя подъ пашни, то есть всю почву сколько-нибудь производительную, то номады должны будутъ сильно уменьшиться въ числѣ, потому что имъ и стадамъ ихъ придется плохо. О томъ же, какъ далекъ этотъ моментъ отъ нашего времени, можно отчасти судить по тому, что на пространствѣ Семирѣченской области (6,300 квадратныхъ миль) мѣстныя власти въ 1871 году не нашли свободныхъ земель болѣе, какъ на 1,800 семей.

Послѣ скотоводства главный промыселъ населенія есть *хлѣбопашество*, которымъ, конечно, занимаются, главнымъ образомъ, осѣдлыя племена, тараичи, дунганы и русскіе, и лишь отчасти киргизы и калмыки (*). Что урожай въ мѣстахъ обильно орошаемыхъ выходитъ хороши (самъ 15—20 и 30), это справедливо; но что количество хлѣба для *всего* населенія далеко недостаточно, это доказывается сборами съ пашенъ у киргизовъ и самими цѣнами на хлѣбъ. Въ Кокбектинскомъ округѣ, гдѣ земледѣліе наиболѣе развито, изъ 10,000 семействъ киргизовъ занимаются воздѣлываніемъ почвы не болѣе 950, и они почти ничего не продаютъ на сторону, а весь урожай потребляютъ сами; остальные 9,000 семействъ, стало быть, живутъ однимъ скотоводствомъ. Цѣны на хлѣбъ въ обѣихъ нашихъ областяхъ, за пять лѣтъ (1866—1870), были, среднимъ числомъ, 7 р. 30 к. за четверть въ девять пудовъ ржи, несмотря на то, что *своза* за предѣлы страны нѣтъ, населеніе нигдѣ не стужено массами и что въ сосѣдней Тобольской губерніи рожь обходилась казѣй не свыше 4 р. 87 к., а въ Томской 5 р. 50 к. И какъ, по самой щедрой оцѣнкѣ, на всемъ пространствѣ отъ Иртыша до Тянь-шаня и отъ Балхаша до верховій Или и Чернаго Иртыша есть едва-ли болѣе 300 кв. миль земель годныхъ подъ пашни, то очевидно, что широкаго раз-

(*) Киргизское хлѣбопашество болѣе всего развито въ уѣздахъ бывшихъ Кокбектинскомъ, Копальскомъ и Вирненскомъ, а калмыцкое на Черномъ Иртышѣ. Кромѣ названныхъ племенъ, къ земледѣльцамъ можно причислить китайцевъ, солонговъ и сибо.

вита хлѣбпашество никогда не получить, а цѣны на хлѣбъ все будутъ расти вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія.

Другіе промыслы въ краѣ, кромѣ хлѣбпашества и скотоводства, почти ничтожны. Небольшіе избытки рускаго хлѣба находятъ сбытъ на винокуренныхъ заводахъ въ станицѣ Ленсинской и въ городѣ Вѣрномъ. Массы же овчинъ, сала и бычачьихъ шкуръ идутъ вонь изъ края, гдѣ обрабатывать ихъ не умѣютъ и гдѣ носятъ обувь изъ Бунгура или Ташкента, жгутъ свѣчи изъ Петропавловска или Екатеринбургa и одѣваются въ сукно, привозимое изъ Европейской Россіи.

Лѣсоводство въ краѣ невозможно, за исключеніемъ мѣстъ гористыхъ, гдѣ однако лѣса не только не разводятся, а дѣйтельно уничтожаются, не смотря на запрещеніе. Въ равнинахъ лѣсъ встрѣчается только у Хоргоса и вообще въ сѣверо-западной части Кульджинскаго округа; но здѣсь онъ разведенъ искусственно, при помощи орошенія.

Второстепенныя занятія: садоводство (кромѣ Кульджинскаго округа), пчеловодство, разведеніе цѣлебныхъ и красивыхъ растений и проч. почти ничтожны по размѣрамъ. Винодѣліе невозможно по климату, хотя виноградъ и есть на Или.

Одни приготовленіе войлоковъ и рыбныя ловли на Зайсанѣ, Алакулѣ и Балхашѣ имѣютъ будущность; но зайсанское рыболовство уже почти не принадлежитъ краю, ибо имъ пользуются люди живущіе на сѣверъ отъ Иртыша; туземцы же очень немного.

Тканей, вообще всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій страна не производитъ никакихъ, получая ихъ изъ Россіи, Туркестана, а въ прежнее время и изъ Китая.

Рудныя богатства разрабатываются въ двухъ мѣстностяхъ: въ Кокбентинскомъ округѣ (золото, свинецъ, мѣдь) и въ Кульджинскомъ (свинецъ, желѣзо, золото, каменный уголь); но все это въ размѣрахъ незначительныхъ, такъ какъ въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣченской на всѣхъ рудныхъ мѣсторожденіяхъ не болѣе 2,000 рабочихъ, а въ Кульджинскомъ округѣ едва-ли и столько. Впрочемъ добываніе каменнаго угля и серебро-свинцовыхъ рудъ можетъ увеличить число горнопромышленнаго народа еще на нѣсколько сотъ или даже тысячъ человекъ, хотя едва-ли къ большой ихъ выгодѣ, ибо, напримѣръ, въ Кульджинскомъ краѣ обыкновенная плата чернорабочему въ день отъ двухъ до шести копѣекъ.

Все это приводитъ къ заключенію, что чжунгарское пограничное пространство, по самымъ кореннымъ свойствамъ своей природы, есть страна неспособная давать значительныхъ доходовъ.

Военный обзоръ.

Изъ предъидущихъ данныхъ, топографическихъ и эконолическихъ, нетрудно вывести слѣдующія положенія, важныя съ военной точки зрѣнія:

1) Все пограничное пространство чжунгарскаго участка, какъ съ нашей стороны, такъ и съ китайской, есть степь съ значительнымъ, впрочемъ, числомъ оазисовъ. Въ оазисовъ, лежащихъ подъ горами, военныя дѣйствія сколько-нибудь значительными массами войскъ неудобны.

2) Государственная граница на столько длинна, что единство управленія военными силами, дѣйствующими на ней, въ строгомъ смыслѣ, недостижимо, но крайней мѣрѣ до повсемѣстнаго устройства телеграфовъ. Но какъ эта граница все же отдѣляетъ насъ отъ *одного* государства, то единство высшей военной власти на ней не только желательно, но даже необходимо. Особенно важно это единство потому, что незначительность тѣхъ военныхъ силъ, которыя Россія въ состояніи держать въ названныхъ мѣстностяхъ, нужно вознаграждать искуснымъ расположеніемъ ихъ, согласованіемъ дѣйствій и изворотливостью, которыя достижимы лишь при единствѣ власти.

3) Очертаніе (configuration) границы неблагоприятно для ея охраненія, ибо есть значительныя отступленія отъ прямой, т. е. кратчайшей линіи. Особенно неудобна, въ этомъ смыслѣ, приобретенная въ 1869 году часть территоріи на югъ отъ Зайсана, потому что для охраны ея съ трехъ сторонъ необходимо держать значительныя отряды въ этой мѣстности, а мѣстность почти ничего не производитъ и, слѣдовательно, никогда не будетъ вмѣщать въ себѣ большого осѣдлаго населенія, которое бы само защищало край и содѣйствовало удешевленію продовольствія войскъ.

4) Естественная бѣдность всей вообще страны между Алтаемъ и Тянь-шанемъ причиною, что здѣсь никогда нельзя будетъ имѣть значительнаго числа войскъ. Конечно, пока туземцы, покоренные нами и Китаемъ, остаются невѣжественными и неисканными въ военномъ дѣлѣ, это не представляетъ большой опасности; но ежели они образуются и затѣять общее дѣло, то положеніе этой части границы можетъ сдѣлаться затруднительнымъ.

5) Даже не предполагая поголовнаго возстанія, необходимо имѣть въ виду, что туземцы, хотя и подданные, не только не составляютъ вспомогательной силы на случай войны, но именно тогда-то потребуютъ за собой усиленнаго надзора, потому что, по хищной своей природѣ, безнаказанно могутъ собираться мелкими шайками и дѣлать

нападенія на транспорты, на станціи въ степи и даже на населенные пункты, незанятые войсками. Запасовъ же для войскъ, кромѣ скота, они никакихъ доставлять не въ состояніи. Это замѣчаніе вообще примѣнимо ко всѣмъ нашимъ среднеазиатскимъ владѣніямъ.

6) Главные театры возможныхъ военныхъ дѣйствій обозначены самою природою: это долины Или, Эмиля и Чернаго Иртыша. Первая изъ нихъ, впрочемъ, принадлежитъ намъ, въ настоящее время, сполна, и какъ она обставлена со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, горами, то можно только желать, чтобы ея южная, восточная и сѣверная границы стали окончательно государственнымъ рубежомъ.

7) Въ долину Эмиля или, правильнѣе, въ бассейнъ Ала-куля, важнѣйшія въ военномъ отношеніи мѣстности суть подгорія Чжунгарскаго Алатау и Тарбагатай, особенно урочища Калтагай, Бакты и Чаганъ-обо. На нихъ слѣдуетъ держать, и отчасти дѣйствительно содержаться, отряды, чтобы защищать даже въ мирное время нашу степь отъ вторженія хищныхъ кызаевъ, байджигитовъ и торгоутовъ.

8) Въ долину Чернаго Иртыша Зайсанскій постъ удовлетворяетъ до известной степени требованіямъ опорнаго пункта для дѣйствій въ окрестной мѣстности; но онъ слишкомъ отдаленъ отъ иртышской линіи и сосѣднихъ нашихъ станцій и укрѣпленій, почему можетъ подвергнуться нѣкоторой опасности, тѣмъ болѣе, что лежитъ не на самомъ Черномъ Иртышѣ, гдѣ была бы возможность сообщенія водою, а въ сторонѣ.

9) Бухтарминская долина не лишена важности въ случаѣ движенія на Кобдо, ибо она представляетъ не только кратчайшую, но и удобнѣйшую дорогу туда.

10) По всѣмъ путямъ поперекъ границы отряды могутъ двигаться только съ вьюками и лишь мѣстами съ колеснымъ обозомъ. Базисами для ихъ движеній, очевидно, могутъ служить, главнымъ образомъ, пункты на большой дорогѣ изъ Семипалатинска въ Вѣрный, т. е. пункты, лежащіе, во-первыхъ, на разстояніи 150—250 верстъ отъ границы, во-вторыхъ, связанные между собою одною дорогою, малонаселенною и проходящею черезъ кочевья номадовъ, которыхъ преданность отъ условна. И эта дорога, по которой одной мы можемъ направлять наши вспомогательныя средства въ край, идетъ не перпендикулярно къ границѣ изнутри государства, а параллельно граничной чертѣ, съ лѣваго ея фланга. Вотъ почему, если со стороны Китая посаѣдуетъ нападеніе въ бассейнъ Иртыша или Эмиля, то все пространство, къ югу лежащее, будетъ разобщено съ имперіею, ибо на связь съ Сыръ-дарьинскою областю много расчитывать невоз-

можно. Только теперешняя слабость Китая, временно, отнимаетъ значеніе у этого замѣчанія и облегчаетъ наши задачи при оборонѣ чжунгарскаго фронта границы.

11) Изъ предъидущаго видно, что военныя силы наши на этомъ фронтѣ должны быть на столько значительны, чтобы могли дѣйствовать самостоятельно, и притомъ нѣсколькими отрядами. По свойству возможнаго непріятеля, необходимо въ составѣ ихъ имѣть достаточно кавалеріи; но самые отряды, конечно, могутъ быть малочисленны.

12) На каждомъ изъ трехъ возможныхъ театровъ войны къ сторонѣ Чжунгаріи, т. е. у подножія Небесныхъ горъ и въ долинахъ Эмиля и Иртыша, необходимо имѣть для базиса укрѣпленіе; кромѣ того, для связи Эмильскаго бассейна съ Илискимъ, еще одно промежуточное. Это и достигнуто уже устройствомъ Зайсанскаго поста, Сергіополя, Копала и Вѣрнаго. На Или есть, кромѣ того, тетъ-де-понъ, у переправы черезъ нее близъ устья рѣки Талгара. Въ Кульджинскомъ же округѣ многія селенія обнесены глиняными стѣнами.

Изложенныя здѣсь соображенія, естественно, уже приняты въ расчетъ при распредѣленіи нашихъ военныхъ силъ и средствъ въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣченской, а потому подробности этого распредѣленія здѣсь опускаются.

Управленіе военными силами раздѣлено между двумя военными губернаторами, семипалатинскимъ и семирѣченскимъ, и изъ нихъ первый подчиненъ командующему войсками Западно-Сибирскаго округа въ Омскѣ, а второй Туркестанскаго, въ Ташкентѣ.

Военно-учебныхъ (не считая омской военной гимназіи и прогимназіи) и военно-техническихъ учрежденій въ край нѣтъ никакихъ; для исправленія артилеріи войска должны обращаться или въ Омскъ или въ Ташкентъ, а ручное оружіе, для важныхъ поправокъ, отсылать даже въ Европейскую Россію.

Порохомъ войска снабжаются изъ Казани (2,500—3,500 верстъ), снаряды получаютъ съ Урала (1,700—2,700 верстъ).

Артилерійскіе и инженерныя запасы находятся въ Усть-Каменогорскѣ, Сергіополѣ, Копалѣ и Вѣрномъ, но всѣ они невелики. Укрѣпленія существуютъ: въ Усть-Каменогорскѣ (упразднено, но верки цѣлы), въ Сергіополѣ, Копалѣ, на Или (мостовое, на лѣвомъ берегу), въ Вѣрномъ и въ нѣсколькихъ пунктахъ Кульджинскаго округа, гдѣ многія селенія (кенты) и городъ Кульджа имѣютъ стѣны среднеазиатской постройки.

Военныя больницы, разныхъ наименованій, находятся въ Семит. LXXXVII. Отд. I.

палатинскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Кокбектахъ, Бактахъ, Копалѣ, Върномѣ и Кульдѣ; важнѣйшія изъ нихъ въ Семипалатинскѣ и Върномѣ.

Провіантскіе магазины расположены: въ Семипалатинскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Кокбектахъ, Котонъ-Карагаѣ, на Зайсанскомъ посту, на пикетахъ Джерташскомъ и Альджанъ-адыровскомъ—Семипалатинской области; въ Сергіополѣ, на Бактахъ, на Басканѣ, въ станицѣ Лепсинской, въ Копалѣ, на пикетѣ Царицынскомъ, на Борохудзирѣ, на Или, въ Върномѣ, въ Кульдѣ, на Текесѣ—Семирѣченской области. По сложности послѣднихъ пяти лѣтъ (1866/71), для нихъ заготовлялось ежегодно:

Муки	27,000	четвертей	по средней цѣнѣ	7 р. 30 к.	за четверть
Брупъ	3,700	»	»	8 » 52 »	»
Овса	26,700	»	»	3 » 57 »	»
Сѣна	87,000	»	»	— » 10 »	за пудъ.

Приварочныя деньги отпускаются въ Семипалатинской области по двѣнадцати рублей серебромъ въ годъ на человѣка, а въ Семирѣченской по девяти рублей. Офицеры довольствуются жалованьемъ по усиленному окладу.

Вещевыхъ интендантскихъ складовъ нѣтъ въ краѣ, а войска получаютъ предметы одежды и амуниціи изъ Омска и Ташкента, причѣмъ обходится казнѣ:

Аршинъ солдатскаго сукна	1 рубль 45 к.
— бумажнаго холста на рубашку (такъ называемой маты, въ Семирѣченской области)	22 —
Сапожный товаръ на пару, т. е. голенищи, пера и подошвы	1 — 72 —

Перевозка тяжестей удобнѣе и дешевле всего совершается весной и осенью, и тогда на сто верстъ съ пуда можно имѣть—по тракту между Семипалатинскомъ и Върнымъ—возчиковъ за десять или одиннадцать копеекъ; но лѣтомъ, а особенно зимою, цѣны возвышаются. Тоже бываетъ при неурожаяхъ травъ и овса въ степи во всякое время года.

Полковникъ Венюковъ.

1-го августа 1871 г.

Матеріалы:

Такинъ: Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана.
Риттеръ: Землеустройство Азии, томы 2 и 3 русскаго перевода.

Вланали: Геоэтнографическая повѣдка по восточной части Киргизской степи, въ „Горномъ Журналѣ“ 1853 г.

Семеновъ: статьи въ „Вѣстникѣ“ и въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества», а также въ „Географическомъ Словарѣ“.

Валхановъ: Очерки Чжунгаріи въ «Запискахъ» Русскаго Географическаго Общества.

Голубевъ: Отчетъ объ астрономическихъ работахъ въ 1859 г. и статья объ Алакулѣ въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества.

Абрамовъ: статьи о Зайсанѣ, Семипалатинскѣ, Копалѣ, Върномѣ и пр. въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества.

Струве и Потанинъ: Путешествіе на Зайсанъ и въ рѣчную область Чернаго Иртыша; повѣдка по восточному Тарбегатаю и зимняя повѣдка на Зайсанъ, все въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества.

Бабковъ: Записки о Балхашѣ, о при-Зайсанскомъ краѣ, о долині Бухтармы и горныхъ проходахъ въ Алтай—изданіи Русскаго Географическаго Общества.

Радловъ: О населеніи Илийскаго округа въ Petermann's Mittheilungen и о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ западною Монголіею, въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества.

Гейсесъ: О мусульманскомъ возстаніи въ Китаѣ, въ извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества.

Матусовскій: Рукописная записка о пути въ Кобдо и Уласутай и печатная записка о рекогносцировкѣ Эмильской долины—тамъ же.

Приицъ: Повѣдка въ Хобдо—Записки Русскаго Географическаго Общества.

Гельмерсенъ: Повѣдка въ Хобдо квартирмейстера Незнаева—тамъ же.

Венюковъ: О населеніи Чжунгарскаго пограничнаго пространства—тамъ же, 1871.

Шелевъ: Свѣдѣнія объ Илискомъ округѣ, сообщенныя Русскому Географическому Обществу, и его же статьи о Мусартскомъ проходѣ—тамъ же.

Туркестанскій Ежегодникъ и Туркестанскія Вѣдомости.

Карты: Специальная западной Сибири, 10 в. въ 1 дюймъ. Генеральная западной Сибири, 50 в. въ 1 дюймъ.

Клапрота: Carte de l'Asie Centrale.

Захарова: Рукописныя карты Чжунгаріи и Тянь-шаня.

Пльина: Карта Туркестанскаго генераль-губернаторства.

Шелева: карта Кульдженскаго округа.

Венюкова: карта сѣверо-западной Монголіи.